

встречается реже, чем моральных, что преобладают положительные оценочные характеристики внешнего вида человека, что для положительной оценки поведения человека в фольклоре используется гораздо меньше лексем, чем для отрицательной оценки.

Доцент С. П. Праведников, размышляющий над проблемой территориальной дифференцированности языка русского фольклора, ищет убедительные аргументы в пользу тезиса о наличии русских фольклорных диалектов и целесообразности фольклорной диалектологии. На примере лексемы *зелёный* автор показывает жанровую и территориальную специфику функционирования ее в фольклорных текстах.

Статья аспиранта А. М. Бобунова написана в русле кросскультурной лингвофольклористики и представляет промежуточные результаты разработки интересного и оригинального лексикографического проекта — контрастивного словаря, который основывается на авторитетных собраниях русской и английской народной лирики А. И. Соболевского и С. Шарпа (С. Sharp). Рассказ о технологии составления словаря иллюстрируется примерами из кросскультурного анализа кластера «небо».

Доцент С. В. Супряга рассматривает локальную диалектную лексику русских народных песен старообрядцев, ныне проживающих в Забайкалье, Полесье и на Алтае, и представляет этимологический и лексикологический анализ лексических и семантических диалектизмов, результаты которого способствуют выявлению возможного влияния на лексику русской песни новых условий бытования.

Моя статья стала возможной после того, как был составлен конкорданс к сибирским песням. Показалось интересным сравнить его с другими конкордансами, выявить черты отличия и на примере диалектизмов продемонстрировать эвристические возможности фольклорного слова как диагностического средства в изучении миграции текстов и становления территориальной традиции.

М. А. БОБУНОВА
(Курск)

О СИСТЕМЕ И СЕРИИ СЛОВАРЕЙ ЯЗЫКА ФОЛЬКЛОРА

Аннотация. В статье говорится об опыте курских лингвистов, работающих над лексикографическим описанием языка русского фольклора, о необходимости создания системы и серии словарей. На конкретных примерах показаны исследовательские возможности словарей разных жанров.

Ключевые слова: лексикография, словарь, язык фольклора.

Фольклорное слово всегда привлекало внимание исследователей, которые добились определенных успехов в изучении вербальной стороны устного народного творчества. Однако до сих пор многие фундаментальные проблемы, такие как жанровая специфика языка фольклора, его пространственно-временная дифференцированность, идиолектность, нуждаются в более тщательном исследовании на большом фактическом материале. И тут на помощь лингвисту приходит словарь, который позволяет сочетать внимание ко всему лексикону со вниманием к каждому конкретному языковому факту. Словарная форма, отличающаяся точностью, системностью описания и необходимой лаконичностью, оказывается не только удобной «упаковкой» языкового разнообразия, но и эффективным исследовательским инструментом для его изучения.

Несмотря на то, что фольклорная лексикография — новый, экспериментальный, раздел лексикографии, ее можно отнести к разряду активно развивающихся отраслей. Долгие годы поиска подходов к лексикографическому описанию фольклорного слова проявились в создании на рубеже XX—XXI вв. целого ряда лингвистических словарей. Первоначально сформировались два центра: в Москве (под рук. С. Е. Никитиной) и в Курске (под рук. А. Т. Хроленко), но постепенно география лексикографических работ расширилась. Филологи Казани [Галиуллин 2006],

Нижегород [Ручина 2006], Новосибирска [Русские простонародные легенды 2005] апробируют разные словарные формы, свидетельствующие о многообразии подходов к лексикографической интерпретации языка устного народного творчества, при этом объектом описания становится не только язык русского фольклора. Так, в настоящее время ведется словарная разработка языка якутского эпоса олонхо [Роббек 2009], составляется словарь бурятского героического эпоса «Аламжи Мэргэн», что, безусловно, подтверждает мысль о перспективности изучения лексики и фразеологии языка фольклора в лексикографическом аспекте.

Хотя лингвисты ставят разные научные цели, объединяющим элементом исследований становится опора на жанровую дифференциацию материала. Мысль И. А. Оссовецкого о том, что в фольклоре все преломляется в жанре, начиная со стиля и кончая конкретными языковыми явлениями, оказывается справедливой не только для традиционного изучения фольклора вообще и его языка в частности [Оссовецкий 1952, 97], но и для лексикографической работы. Налицо избирательный подход к фольклорному жанру: московские ученые занимаются словарным описанием языка свадебных причитаний и духовных стихов; казанские лингвисты работают над словарем языка паремий; новосибирские исследователи составляют словарь языка русской народной легенды. В плане учета жанровых особенностей ведется работа по созданию словаря концептов русского фольклора в Нижегородском университете. Жанровый подход прослеживается и в лексикографической практике курских лингвофольклористов, которые особое внимание уделяют языку былин и необрядовых лирических песен, и, кроме того, проверяют свои словарные методики на материале исторических песен, баллад и сказок.

Обратимся к опыту курских исследователей, свидетельствующему о возможности создания системы и серии словарей языка фольклора. При разграничении терминов «система» и «серия» мы опирались на замечания В. В. Морковкина о том, что словарная система представляет собой «совокуп-

ность разных по жанру словарей, обеспечивающих разноаспектное описание определенного (в том числе и одного и того же) массива языковых единиц», а словарная серия — «совокупность одинаковых по жанру и характеру лексикографирования словарей, различающихся либо массивами вовлеченных в описание единиц, либо адресатом» [Морковкин 1990, 47—8].

В работах многих лингвистов понятия «тип словаря» и «жанр словаря» часто смешиваются, однако мы данные термины не отождествляем, считая «тип словаря» более общим, родовым, понятием, а «жанр словаря» — видовым. Главным признаком, определяющим тип словаря, считаем объект лексикографирования, в нашем случае — язык фольклора. Следовательно, тип словаря можно обозначить как «словарь языка фольклора», а все остальные признаки будут говорить о его жанровых разновидностях.

На данный момент курскими лингвистами апробировано несколько традиционных лексикографических форм. Среди них *индексы* — частотные словари, где фиксируется число случаев, в которых встретилось то или иное слово [Карпова 1989, 7] — и *конкордансы* — алфавитный перечень всех слов какого-либо текста с указанием контекстов их употребления [БТС 2000, 449].

Частотный словарь, в котором лексемы расположены в порядке убывающей частотности, относится к разряду фиксирующих (демонстрирующих) словарей, дающих списки языковых единиц без толкований. Это один из самых разработанных жанров словаря, активно использующийся в писательской лексикографии. Полагаем, что такой словарь очень полезен и для изучения языка фольклора. На данный момент курскими исследователями подготовлена целая серия частотных словарей (более 20 наименований).

Еще одним вариантом фиксирующего словаря можно считать алфавитно-частотный словарь, хотя его, по мнению многих лексикографов, трудно отнести к разряду словарей. Однако мы полагаем, что данная форма, в которой сосредоточен весь лексический состав источника применительно к нашему материалу, оказывается жизнеспособной и

претендует на статус самостоятельной лексикографической формы, которая позволяет осуществлять самые разные наблюдения. По справедливому замечанию С. Е. Никитиной, «у любой буквы в каждом жанре свое лицо. Оно создается разными способами: это “показательные” слова, начинающиеся на данную букву, т. е. концепты, семантически нагруженные, особо значимые для этого вида текстов; это может быть также некоторая группа слов, объединенная значимым для данных текстов начальным формантом» [Никитина 1999, 23].

Курскими лингвофольклористами подготовлена серия алфавитно-частотных словарей на материале разных фольклорных жанров. Выполненные одним научным коллективом, руководствующимся определенными принципами, такие словари создают объективную базу для проведения сопоставительных исследований. Продемонстрируем это на конкретном материале. Обратимся к фрагментам алфавитно-частотных словарей, начинающихся с буквы «Ф». Наш выбор был не случаен, поскольку данная буква является фонетической приметой заимствованных слов, что позволяло предположить незначительный объем данной части словаря в устно-поэтических текстах и невысокую частотность использованных лексем. Как оказалось, в лексиконе онежских былин (ОБ) зафиксировано всего 10 слов (без учета собственных наименований). Практически все они низкочастотны и являются принадлежностью индивидуального лексикона того или иного сказителя: *фамилия* — Сорокин (Пудога); *фельдмаршал* — Калинин (Повенец); *фершел* — Чуков (Кижичи); *флаки* — Прохоров (Пудога); *фальша*, *фланк* — Сарафанов (Кижичи); *флюгер* — Корнилов (Кижичи). Для обозначения меры веса в былинах об Илье Муромце сказитель Шеголенок (Кижичи) использует существительное *фунт*, а Корсаков (Повенец) — диминутив *фунтик*. И только одно прилагательное *фальшивый* ‘ложный, неправильный, неверный; либо подложный, поддельный’ [Даль 2000, 531] используется разными сказителями в разных былинах в сочетании с разными существительными: *гроши*, *кроватка*, *мосточки*, *напись*.

Указанный фрагмент словаря небрядовых лирических песен, записанных в Олонецкой губернии (ОП), тоже невелик (8 наименований), но по составу полностью отличается от словаря былин. Ср.: *фабрик*, *фабричный*, *фатера*, *фатерушка*, *форменный*, *форсун*, *фуражечка*, *фуражка*. Наиболее употребительными в данном ряду оказались существительные *фабрик* и *фатера* ‘искаж. квартира, помещенье, жильё, жило, стоянка’ [Даль 2000, 533], но если *фабрик* (как и *фабричный*) четыре раза упоминается в пределах одного текста, то *фатера* (и *фатерушка*) встречаются и в семейных, и в любовных, и в солдатских песнях.

Совсем иная картина предстает в исторических песнях (ИП) — самостоятельном фольклорном жанре, испытывающем воздействие как со стороны эпоса, так и со стороны лирической поэзии, что, безусловно, сказалось на его языке. В отличие от былин и небрядовой лирики перечень лексем, начинающихся с «Ф», здесь многочисленный и разнообразный (около 50 слов) (см.: [Степанова 2003]). Нами выявлены межжанровые наименования: *фальшивый*, *фамилия*, *фельдмаршал*, *фланк*, *фунт* (ИП и ОБ); *фабрика*, *фабричный*, *фатера*, *фатерушка*, *фуражка* (ИП и ОП), но большее число слов относится к разряду одножанровых лексем, которые создают специфику буквы «Ф» исторических песен: *фасон*, *фолейтор*, *форточка*, *форштадт*, *фрейлина*, *фураж*. Среди них есть наименования, относящиеся к военной лексике, что связано с тематикой ИП (*форпост*, *фронт*, *флот*, *фрегат*, *фашист* ‘воен. хворост, хворостняк’ [Даль 2000, 533]). Хотя большинство слов используется редко, выявлены и высокочастотные лексемы. Например, существительное *француз* (254 словоупотребления) входит в ядро лексикона исторической песни. Особенностью словаря ИП является наличие разнообразных словообразовательных гнезд (*флот*, *флотик*; *фуражка*, *фуражоночка*; *фамилия*, *фамилица*; *француз*, *французик*, *французец*, *французинька*, *французенчики*, *французский*), композитов (*француз-англичанин*, *фураж-сено*), а также слов, зафиксированных в искаженной форме (*фантаз*, *фицер*, *флант*, *франец*; *федьмарший*, *фельдмаршаты*,

фельдмаршечки) или в соответствии с соотношением (*флак, фланк*).

Таким образом, своеобразие лексической репрезентации конкретного фрагмента словаря того или иного жанра определяется набором и общим числом лексем, их частотностью и количеством дериватов.

Для выявления региональных особенностей можно сравнить алфавитно-частотные словари, отражающие лексику одного жанра, бытующего на разных территориях. Так, сопоставление указанных фрагментов разных словарей необрядовых лирических песен подтверждает их ограниченный состав и способствует выявлению общежанровых и индивидуальных наименований. Например, в песнях, записанных в Архангельской (АП) и в Вологодской (ВП) губерниях в XIX в., как и в олонечких песнях, упоминаются слова *фатера* (ВП) и *фатерушка* (АП), в вологодских и олонечких песнях зафиксированы наименования *фабричный* и *фуражечка*, в архангельских и вологодских — *фигурный*. В отдельных случаях используемые слова отличаются аффиксами: *форсун* — ОП, *форсяк* — ВП. Отметим, что больше всего единичных специфических наименований выявлено в вологодском песенном фольклоре: *фалетур, фата, фаточка, фестон, форсота*. Конечно, расширение словарной базы может скорректировать некоторые выводы, однако полагаем, что основные тенденции не изменятся. Подобное сопоставление можно провести и на материале словарей былин, записанных в разных регионах в одно и то же время, что также позволит уточнить заключение о жанровых, территориальных и идиолектных особенностях.

Еще одну возможность серии алфавитно-частотного словаря мы видим в сопоставлении словообразовательных гнезд, выявленных в фольклорных текстах. В качестве примера проанализируем гнезда с корнем *тоск-* и *тошн-*. Выбор первого обусловлен значимостью понятия «тоска» для русского человека, о чем неоднократно писали самые разные исследователи. Материалы словарей свидетельствуют, что, хотя существительное *тоска* является общефольклорным наименованием, не

ограниченным территориальными рамками, выявляется целый ряд отличий. Во-первых, словообразовательные гнезда разнообразнее в песенном фольклоре (лирические и исторические песни); во-вторых, только в необрядовой лирике используются диминутивные формы (*тоскечушка, тоскованьице* — ОП) и глаголы с приставкой *рас-* (*растосковаться* — АП); в третьих, в былинах совсем не выявлено композитов, хотя они характерны для лирических (*тоска-горе* — ОП, ВП; *тоска-горюшко* — АП; *тоска-кручина* — АП, ОП; *грусть-тоска* — АП, ОП; *тоска-печаль, печаль-тоска* — АП;) и исторических песен (*тоска-печаль, тоска-назола* (*назола* ‘тоска, печаль’ [СРНГ 19, 287]), *грусть-тоска, печаль-тоска*).

Гнездо с корнем *тошн-* в онежском эпосе, как и в других былинных текстах, не представлено, зато в лирических и исторических песнях отличается богатством форм и композитов. Слова с этим корнем используются для описания чувства отвращения или тоски, испытываемой героем или героиней. Наиболее употребительно слово категории состояния *тошно*, выявлены и диминутивы *тошненко* (АП, ОП, ИП), *тошнихонько* (АП, ВП, ИП), *тошнешенько* (АП, ОП, ВП), а также специфически фольклорные наименования *растошненко* ‘Фольк. Мучительно, тяжело, тошно’ [СРНГ, 34, 270] (ВП), *растошнихонько* ‘Фольк. Очень тяжело, мучительно, тошно кому-л.’ [СРНГ, 34, 270] (АП, ИП), *растошнешенько* ‘Фольк. То же, что *растошнихонько*’ [СРНГ, 34, 270] (ИП). Глагольный ряд представлен словами *стошниться* (АП), *растошнеться* (ОП). Только в олонечких песнях встретилось прилагательное *тошный*; здесь же зафиксирован компаратив *потошнее*. Особенностью исторических песен является использование композитов *больно-тошно, горчей-тошной* и усилительной конструкции *тошным-тошно*.

Объектом сравнения могут стать и отдельные словообразовательные модели. Например, группа сравнительно-уподобительных наречий с префиксом *по-* и суффиксом *-ому/-ему* является отличительной чертой онежского эпоса, где зафиксировано большое число лек-

сем: *по-богатырскому, по-веселому, по-враниному, по-дорожному, по-другому, по-женскому, по-звериному, по-здоровому, по-змеиному, по-каличьему, по-книжному, по-кониному, по-лосиному, по-молодецкому, по-молчаному, по-мужицьему, по-мужскому, по-нашему, по-небесному, по-низкому, по-новому, по-однакому, по-писаному, по-прежнему, по-пустому, по-русскому, по-соловьему, по-соловьиному, по-старому, по-татарскому, по-турецкому, по-туриному, по-умильному, по-уныльному, по-ученому, по-хорошему, по-царскому, по-человечьему*. Некоторые из указанных языковых единиц имеют высокую частотность, поскольку употребляются в составе эпических формул (например, *по-писаному, по-ученому*), большинство же низкочастотно или единично (например, *по-каличьему, по-умильному*). В других былинных сборниках наречия указанного типа употребляются в значительно меньшем объеме. Например, в былинах Печоры (см.: [Праведников 2002]) зафиксировано десять наименований, восемь из которых встречаются и в онежском эпосе (*по-звериному, по-змеиному, по-писаному, по-прежнему, по-соловьиному, по-старому, по-ученому, по-хорошему*) и только два (*по-домашнему, по-змеидному*) исключительно в печорских былинах. Из 15 сравнительно-уподобительных наречий в текстах мезенских былин (см.: [Праведников 2002a]) три являются особенностью данной местности: *по-доброму, по-подорожному, по-польскому*. Выявляются индивидуальные наименования и в былинах Сибири (см.: [Жирова 2001]): *по-латинному, по-сокольему, по-турскому, по-французскому*.

Для лирических же песен такая модель не характерна, что подтверждают словарные материалы. В архангельских и вологодских песнях встретилось лишь одно наречие *по-прежнему*, а в олонечкой лирике не зафиксировано ни одного.

В исторических песнях слова данного словообразовательного типа, как и в былинах, употребительны, однако они имеют несомненное своеобразие, поскольку половину списка занимают специфические наречия: *по-казацкому, по-казачьему, по-кручинному, по-морскому, по-нотному, по-печальному, по-*

российскому, по-солдатскому, по-швецкому.

Таким образом, алфавитно-частотные словари дают возможность для проведения сопоставительных исследований разного характера, что повышает информативную ценность таких словарей.

Начиная с 2007 г. курскими лингвофольклористами осваивается лексикографическая форма конкорданса [Бобунова 2007]. В качестве источника на первом этапе работы были избраны необрядовые лирические песни, включенные в семитомный свод А. И. Соболевского «Великорусские народные песни». Для учета территориальной специфики и выявления региональных особенностей лексики было решено создавать конкордансы на материале текстов, записанных в одной губернии, что способствовало разработке серии конкордансов, имеющих одинаковую макро- и микроструктуру. В настоящее время опубликовано три тома (1-й том — курские песни; 2-й том — архангельские песни; 3-й том — олонечские песни) и подготовлена рукопись четвертого тома (песни Сибири). В будущем предполагается создать конкордансы ряда былинных текстов для проверки сформулированных на материале другого фольклорного жанра принципов создания словаря.

Кроме традиционной формы конкорданса, словарная статья которого включает заголовочное слово, статистическую информацию и исчерпывающее число контекстов с паспортизацией, курские исследователи апробировали форму сжатого («сконцентрированно-го») конкорданса [Бобунова 2006]. Останемся на этом подробнее. В отличие от обычного данный конкорданс является своеобразной «выжимкой». Хотя в словарной статье в качестве иллюстративного материала приводится один контекст, разработанная нами методика сжатия конкорданса предполагает учет абсолютно всех употреблений описываемого слова в пределах определенного корпуса текстов. С помощью специальных условных обозначений в словарной статье отражаются синтагматические и парадигматико-синтагматические связи конкретной лексемы. Ср. статьи тради-

ционного и сжатого конкорданса на материале архангельских песен:

Серый 8. Дунай речка не примат, Ко березку прибиват, Ко березку ко круту, Ко желтому ко песку, Ко серому камешку... <3, 475>; В сером камне искры нет... <3, 475>; Един молодец догадлив был: Нарядился серой козонькой... <4, 567>; Через серый бор орел летел <5, 33>; Подстрели, моя каленая стрела, Серу утицу на заводи... <5, 335>; ...Призакроют очи ясны что желтым мелким песком, Навалят-то серый камень на меня... <5, 524>; Выступала-то, выступала красная девушка На сер каменечек... <5, 598>; Скидывать будут сибирочки, Надевать будут шинелочки, И все серыя... <6, 32>

Серый 8. В сером камне искры нет... <3, 475>. S: бор 1, каменечек 1, камень 2, камешек 1, козонька 1, утица 1, шинелочка 1

Хозяин 4. Хозяин-от волю дает, Хозяюшка не унимает <2, 184>; Али вам, хоромушкам, Хозяина в доме нету? <3, 200>; Хозяина в доме нет, Хозяюшка — вдовка молодая <3, 200>; Хозяин волю дает, Хозяюшка позволяет <4, 640>

Хозяин 4. Хозяина в доме нет, Хозяюшка — вдовка молодая <3, 200>. V₁: давать волю 2 V₀: нет/нету хозяина 2: хозяин ... хозяйюшка 3

Громко 5. Что недавно мой милой Вдоль по улице прошел, Шибко, громко просвистал...<2, 160>; Соловеюшко сидит, громко свищет, Громко свищет он, воспевае, Красных девушек унимает...<6, 107>; На малинушке соловеюшко сидит, громко свищет...<6, 471>; По насвистушке соловеюшко громко выговаривает...<6, 471>

Громко 5. На малинушке соловеюшко сидит, громко свищет...<6, 471>. V: выговаривать 1, просвистать 1, свистать 3 Adv: шибко 1

Еще одну экспериментальную лексикографическую форму будет иметь контрастивный словарь языка фольклора, микроструктура которого находится сейчас в стадии разработки.

Итак, лексикографический опыт курских лингвофольклористов свидетельствует о перспективности словарного описания языка фольклора. Словарь, дающий достоверную информацию о лексической системе устно-поэтического произведения, является компактной и удобной формой представления

языкового материала, а также надежным инструментом его исследования. Жанровая и территориальная неоднородность языка народного творчества, многочисленность памятников, записанных в разное время от разных исполнителей, говорят о невозможности полного описания словарного состава языка в одном словаре, а следовательно, о необходимости создания системы и серии словарей, позволяющих, с одной стороны, всесторонне описывать устно-поэтическое слово в разных аспектах (словарный состав источника, частотность лексем, их семантика, сочетаемость и др.), а с другой, проводить сопоставительные исследования разного характера. В частности, материалы подготовленных серий алфавитно-частотных словарей, индексов и конкордансов могут быть использованы для выявления жанровых и региональных языковых особенностей. Анализ может осуществляться путем сравнения целых словников или их фрагментов, отдельных словообразовательных гнезд или моделей и конкретных словарных статей.

Специфичность фактического материала способствует использованию не только традиционных лексикографических форм, но и поиску новых, экспериментальных, подходов, которые позволят отразить своеобразие устно-поэтической лексики, особенности ее употребления и художественные функции.

Литература

Бобунова 2006 — Бобунова М. А., Хроленко А. Т. Словарь языка русского фольклора: Лексика былин. Курск, 2006. Ч. 1: Мир природы. Ч. 2: Мир человека.

Бобунова 2007 — Бобунова М. А., Хроленко А. Т. Конкорданс русской народной песни. Курск, 2007. Т. 1: Песни Курской губернии.

БТС 2000 — Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 2000.

Галиуллин 2006 — Галиуллин К. Р., Марьянов Д. А. Словарь языка русских пословиц и поговорок конца XVII — первой половины XVIII века: сборник пословиц Петровской галереи. Казань, 2006.

Даль 2000 — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 2000. Т. 4.

Жирова 2001 — Жирова Е. И. Словник и частотный словарь сибирских былин // Фольклорная лексикография. Курск, 2001. Вып. 17. С. 14—60.

Карпова 1989 — Карпова О. М. Словари языка писателей. М., 1989.

Морковкин 1990 — Морковкин В. В. Основы теории учебной лексикографии. М., 1990.

Никитина 1999 — Никитина С. Е. Культурно-языковая картина мира в тезаурусном описании (на материале фольклорных и научных текстов): дис. в виде научного доклада ... докт. филол. наук. М., 1999.

Оссовецкий 1952 — Оссовецкий И. А. Об изучении языка русского фольклора // Вопросы языкознания. 1952. № 3. С. 93—112.

Праведников 2002 — Праведников С. П. Былины Печоры: словник и частотный словарь. Курск, 2002.

Праведников 2002а — Праведников С. П. Архангельские былины, собранные А. Д. Григорьевым: Мезень: Словник и частотный словарь. Курск, 2002.

Роббек 2009 — Роббек Л. В. Функционально-семантические особенности языка олонхо (лексикографический аспект): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2009.

Русские простонародные легенды 2005 — Русские простонародные легенды и рассказы. Сборник 1861 г. / изд. подгот. В. С. Кузнецова, О. Н. Лагута, А. М. Лаврентьев. Новосибирск, 2005.

Ручина 2006 — Ручина Л. И. Об отборе ключевых слов для описания концептосферы русской народной сказки // Научное наследие Б. Н. Головина и актуальные проблемы современной лингвистики: сборник статей по материалам международной научной конференции, посвященной 90-летию профессора Б. Н. Головина. Н. Новгород, 2006. С. 318—320.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. М.; Л.; СПб., 1965—2009. Вып. 1—41.

Степанова 2003 — Степанова И. А. Исторические песни XVII—XIX веков: Словник и частотный словарь. Курск, 2003.

Summary: *The article presents the research experience of linguists from Kursk who are currently working on the lexicographic description of the Russian folklore language. The emphasis is laid on the necessity of creation of a system and series of dictionaries. The given examples illustrate the research potential and opportunities which different kinds of dictionaries provide the researchers with.*

Key words: *lexicography, dictionary, folklore language.*

А. Т. ХРОЛЕНКО
(Курск)

ЛЕКСИКОН СИБИРСКИХ НАРОДНЫХ ПЕСЕН НА ФОНЕ СЕВЕРНО- И ЮЖНОРУССКОЙ ТРАДИЦИИ

Аннотация. *Используя созданные курскими лингвофольклористами конкордансы к народным песням разных регионов, автор показывает своеобразие лексикона сибирских народных песен на фоне народно-песенных лексиконов Курской, Архангельской и Олонецкой губерний.*

Ключевые слова: *конкорданс, лексикон, лингвофольклористика, фольклорное слово, язык фольклора.*

Альтернативой глобализации является идея регионализации, ставшая стимулом развития особого рода знания — регионоведения, в рамках которого может быть выделена филологическая регионалистика, разрабатываемая, в частности, курскими филологами (исследовательская программа «Курское слово»).

Региональное своеобразие художественного и фольклорного слова обнаруживается в сопоставлении текстов как сопредельных регионов, так и регионов, отделенных друг от друга, например, южнорусского, севернорусского и сибирского.

В структуре филологической регионалистики важное место принадлежит лингвофольклористике. Несмотря на известную общность сюжетики, поэтики и репертуара фольклорных произведений, язык русского фольклора в территориальном отношении, по нашим наблюдениям, отчетливо дифференцирован. Результаты дифференциации устойчивы, и языковые особенности могут служить надежным маркером места становления и путей развития элементов народно-песенного текста.

Современная лингвофольклористика обнаруживает большие исследовательские возможности. Этому способствует и идея корпусности, когда